

Челябинский

СРЕДА,
25 января 1995 г.

№ 13 (22458).

Тираж 103965.

Цена свободная.

Рабочий

Газета издается с апреля 1908 года

ОБЛАСТНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

УРАЛ: КТО ЕСТЬ КТО?

Николай Тимофеев-Ресовский

Он был доставлен на Урал в мае 1947 года. Из ГУЛАГа. А жена приехала к нему в сентябре. Из Берлина. В абсолютно закрытый Сунгуль.

Жизнь баловала его порепадами. И на этот раз, когда он, Колюша, встречал свою Лельку, тоже вдруг бросила из ада в рай. То лагерь, поллага, болезнь крайнего тюремного истощения, то вдруг озеро Сунгуль, лаборатория, «прекрасная местность».

— После Лубянки, да лагеря, да больницы попал ну действительно, как в рай, в этот Сунгуль.

Он — зек. И он же — шеф, которому положен «свой» портной, повар. Ему, обвиненному в предательстве, дают секретных иностранных специалистов для секретных исследований. Наконец, он уже дружит с директором «объекта» Александром Константиновичем Уральцем, «старым чокистом дзержинских времен», который говорит ему: «Пользуйтесь, сейчас у меня для вас практически открытый счет».

В сопровождении двух офицеров, на двух автомобилях заключенный Тимофеев-Ресовский встречал свою жену. А потом, когда встретил, подполковник Верещагин отправился к директору вокзального ресторана и заказал «обед шикарный, с водочкой, закуской, с винами, черт-то что там только не было»...

Биолог Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский оказался на Урале не по своей воле. Но могу знать, как сильно успел он прикипать к уральской земле. Возможно, не очень и привязался. И никаких корней не пустил. Хотя и прожил тут более пятнадцати лет и оценил красоту уральских озер. По большому счету, может быть, ему было все равно, где жить. Был бы смысл в ней, в жизни.

Я думаю так: то, что Тимофеев-Ресовский жил на Урале, важно прежде всего для нас. Потому что привел его к нам не случай, а сама история.

Кстати, прозвище Зубр, подвеченное Даниилом Граниным,

ученый получил у нас, на Урале. Тому есть свидетели. Челябинский художник Р. Габриэлян нарицал: Тимофеев-Ресовский, рядом — каслинский зубр, стоявший в кабинете, и портрет Нильса Бора, висевший на стене. Кто-то назвал картину «Три зубра». Отсюда и пошло.

Тимофеев-Ресовский был, как говорится, видный мужчина. Лохматый, броватый, носатый, губатый. Здоровяк. Голос — густой бас. Характер необузданный.

Может быть, главное в нем — свобода. Он был свободным человеком. В любых условиях. И это было очень естественно. Он ни от кого не зависел. Мог сказать, что хотел.

— Вызвали меня в Касли, — рассказывал он о своей реабилитации, — там какой-то генерал-лейтенант МВД сидел в кабинете первого секретаря Каслинского района, один. Я захожу, он встает, из-за стола выходит, жмет мне руку, говорит: «Поздравляю». Вручает мне бумагу с большой печатью. И говорит: «Николай Владимирович, будем считать все бывшее небывшим». Я жму ему руку и говорю: «Включая поллагу, Ваше превосходительство».

Генералу, я думаю, ничего не оставалось, как пропустить мимо ушей и это «неблагодарное» напоминание о поллаге, и это «Ваше превосходительство...»

Зубр был необычен. Несерьезный человек. Всегда ироничный. До старости дурашлив. На выдумку горазд. Известно, например, как на озере Миассово он устроил «биотреп» в воде. А докладчик стоял на берегу в трусах, чертил мелом на опрокинутой лодке.

Кто знает прозрачную, ласковую воду Миассово, тот согласится: в жаркий день сидеть в такой воде — удовольствие. Если отвлечься от окуньков, щиплющих ноги.

Урок Зубра: не будь слишком серьезным.

На двух озерах Южного Урала сидел Тимофеев-Ресовский, сна-

чала на Сунгуле, а потом на Миассово. Трава забвения еще не стерла следы пребывания биофизиков на Миассово: стоит здание лаборатории с кабинетом Зубра, выходящим на озеро, виварий, где облучали животных, подвал, где хранили изотопы, гамма-поле, а лучше сказать, поляна, на которой обстреливали кобальтом всякие растения, в том числе высаженные в ящики сосны и пихты, которые теперь растут прямо из ящичков, поднявшись высоко в небо...

Все-таки кто он нам — Зубр?

Некогда в нашей стране иные из наук объявляли лженауками и выводили из употребления. В том числе и генетику, которую почитал Тимофеев-Ресовский. Говорят, он измерил ген на двойной спирали ДНК. Его увлекали проблемы эволюции. Еще кое-что. Но главная его наука — радиационная биология. Или, если угодно иначе, биофизика. На Сунгуле он испытывал методы очистки вод от радиоактивных примесей. В опытах была загрязненная река: как изотопы распределяются в воде, в растениях, в грунтах, как мигрируют. Он, между прочим, столкнулся с тем, что при слабых облучениях происходит стимуляция растений. Если коротко, ученый изучал одно: радиация и жизнь.

Парадокс состоит в том, что в наше время, после Чернобыля, отказано в доверии радиационной биологии. Биофизиков на хотя бы слушать, их сгоняют с трибун. Эта участь не минула бы и Тимофеева-Ресовского, доживи он до наших дней...

Что ни говори, а это надо признать: почти одновременно с закладкой «Маяка» на Урале создавались научные лаборатории и станции, которым поручено было срочно изучить проблемы защиты жизни от радиоактивного излучения. То есть уже тогда была основана радиационная биология, у истоков которой стоял Тимофеев-Ресовский.

М. ФОНОТОВ.